

Неизвестные страницы повести «Как закалялась сталь»

В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ райоке комсомольца появился новый секретарь Жаркий. Павел встретился с ним в отске...

дивидуально проработать вопросы с Корчагиным и его единомышленниками, но из этого ничего не вышло. Павел в упор поставил грубо и прямо следующее определение...

его пронырливость и всезнайство. Был он секретарем аэчки на кирпичном заводе. — Что, тебя исключили? — спросил он, бегая по Павлу белесыми глазами...

«Ты мне ответь, Яким, буржуазия получает права на жизнь. Я в высокой теории не разбираюсь. Я понимаю одно, что нам — это предательство нашего дела. Не за это мы боремся, и мы, рабочие, с этим не согласны и будем против этого бороться из всех сил. А вы, может быть, хотите буржуазии лакеями сделаться? Пожалуйста. Жаркий вскричал...

борьбы. Надо было понять, а это мы лишь сейчас поняли, что не всегда дава в доб — правильная атака. Бывает, значит, и так, что такая атака — есть предательство революции. Велико же было наше ослепление, если даже имя вождя, имя товарища Ленина, повернувшее страну на новый путь, нас не останавливало...

Николай Островский: Какими мы были на самом деле. Часть I, глава 9 (Окончание). Часть II, глава 5 (Выступление Тали Лагутиной).

КАК ЭТО ни покажется странным для некоторых сегодня, но я с убежденностью скажу то, что в те годы самым естественным еще вчера — стал заложник Островского никогда не заржавеет. Не может умереть роман, впитавший в кровь миллионы людей на всем земном шаре веру в добро...

восставшего пролетариата. Нет ничего дороже, что бы мы не отпали партии. Все: жизнь, семья, личное счастье — все отдадим нашей партии великой. И партия нам открыла двери, и мы опять среди вас, семьи мужей, нашей семьи. И вместе с вами страну разоренную, кровью залитую, общинащую и голодную, страну, кровью наших друзей и товарищей вспенную, восстанавливать будем вместе. А то, что было, для нас будет последним испытанием на крепость. Пусть же жизнь живая, и наши руки вместе с миллионами рук завтра же начнут возрождать разгромленный наш дом. Пусть жизнь живет, товарищи! Мы мир возродим заново! Разве могут не победить те, сердца которых мощное динамо! И мы победим.

— В самый раз. Сиди и слушай, что женушка скажет — шепнут Панкратов, толкая Окуневу локтем в бок. — Прява, на дискуссия у нас ушло много сил, но зато молодежь, участвовавшая в ней, многому научилась. Мы с большим удовлетворением отмечаем тот факт, что в нашей организации разгром сторонников Троцкого налицо. Они не могут пожаловаться, что им не дали высказаться, полностью изложив свои взгляды. Нет, вышло даже наоборот: свобода действий, которую они у нас получили, привела к целому ряду грубейших нарушений партийной дисциплины с их стороны. Тали возмущалась, локон волос спал на лицо и мепал говорить. Она рывком откинула голову назад. — Мы слышали здесь многих товарищей из регионов, и все они говорили о тех методах, которыми пользовались троцкисты. Здесь на конференции оппозиционеры представляли в порядочном количестве. Районы сознательно дали им мандаты, чтобы еще раз здесь, на городской партконференции, выслушать их. Не наша вина, если они мало выступают. Полный разгром в районах и в ячейках кое-чему научил их. Трудно сейчас вот с этой трибуны выступить и повторить то, что они говорили еще вчера. Из правого угла парттера Тали прервал чей-то резкий голос. — Мы еще скажем. Лагутина повернулась. — Что же, Дубава, выходи и скажи, мы послушаем, — предложила она. Дубава остановил на ней тяжелый взгляд и нервно скривил губы. — Придет время — скажем! — крикнул он и вспомнил о вчерашнем тяжелом поражении в своем районе, где его знали. По залу проносился ропот, Панкратов не выдержал. — Что, еще раз допускаете партию тресты? Дубава узнал его голос, но даже не обернулся, только больно закусид губу и опустил голову. Тали продолжала. — Ярким примером, как нарушают троцкисты партийную дисциплину, может служить хотя бы Дубава. Он наш старый комсомольский работник, многие знают его, арсенальцы в особенности. Дубава — студент Харьковского коммунистического университета, но мы все знаем, что он уже три недели находится здесь вместе с Шумским. Что привело их сюда в разгар занятий в университете? Нет ни одно-

го района в городе, где бы они не выступали. Правда, Михайло последние дни стал отрезываться. Кто их сюда послал? Кроме них, у нас целый ряд троцкистов из различных организаций. Все они когда-то здесь работали и сейчас приехали, чтобы разжечь огонь внутрипартийной борьбы. Знает ли партийная организация об их местопребывании? Конечно, нет. Из зала донесся голос Шумского: — Понелево кустарничаем, у нас аппарата нет. Послышался хохот. Шумский сам смеялся. Шутка Михайло на минуту разрядила напряженную атмосферу. Конференция ждала от троцкистов выступления с признанием своих ошибок. Ведь много общего было между этими четырьмястами, что составляли городскую конференцию, и теми товарищами, которые вели против большинства такую ожесточенную борьбу. Но непримиримость оппозиционной группировки и резкие нападки на руководство партии и комсомола — все это день за днем стирало эту общность, и на конференцию подавляющее большинство и обособленное меньшинство пришли отчужденными. И все же, выступил сейчас Дубава, Шумский и остальные с чистосердечным признанием своих ошибок, примирение было бы возможно, но этого не произошло. Тали пыталась найти пути-дороги к этому признанию: — Помните, товарищи, три года тому назад в этом самом театре к нам возвращался товарищ Дубава с бывшей группой рабочей оппозиции! Помните слова Корчагина, которые ему поручил сказать также и товарищ Дубава: «Никогда партийного знамени из рук своих не уроним»? А не прошло три года, как товарищ Дубава его уронил. Ведь слова «Мы еще скажем» говорят за то, что он и его товарищи пойдут дальше. Я возвращаюсь к выступлению Дубава на Печерской районконференции. Вот что он говорил Читайко стенограммой. «Молодежь не допускается к партийному руководству. Комитеты везде назначаются сверху, а партийный аппарат закомплексован и оборотился. Мы имеем все признаки перерождения старых работников. Надо разбить узаконенную привилегию руководить партией только этой группе профессиональных администраторов. Мы должны влить свежую кровь в дряхлеющее тело партийного аппарата, молодую кровь. Но аппарат отчаянно защищает свое право на власть. Вот почему на товарища

Троцкого обрушилась эта административная машина, когда он не побоялся сказать, что может — это барометр партии». Шум — зал усилился. С задних кресел донеслось: — Пусть Тудфа о барометре скажет, он у них за метеоролога. Раздались возмущенные голоса: — Хватит шуточек! — Пусть ответят: прекращают они борьбу с партией или нет? — Пусть скажут, кто написал антипартийную декларацию! Возбужденно нарастало, председательствующий долгу звонил. В шуме голосов слова Тали терлись, но вскоре буря улеглась, и Лагутину снова стало слышно: — Троцкисты жалуются, что их жестоко попрепали. А чего они ожидали? Партия и комсомол за последние годы идейно выросли и окрепли. И мы можем только гордиться, что молодой партийный актив в своем большинстве встретил троцкистов в штыки. А когда дискуссия перешла в широкие партийные массы, троцкистов разбили там еще жестче. Командные кадры не дали себя провести демагогам и фразерам. Не наша вина, если товарищи Дубава и Шумский не нашли сторонников среди своих многочисленных друзей. В двадцать первом году Шумский вместе с нами боролся против Дубава. Теперь они единомышленники. Цветаев примыкал к рабочей оппозиции, теперь он опять против нас. Старшевики шатаются из одной стороны в другую. (В рукописи зачеркнута фраза «Борьба нас закаляла», но она поясняет дальнейшее. — Автор публикации Евг. Б.) Молодежь вырастает идейно. Я хочу еще сказать вот о чем. Мы получаем с периферии письма от наших товарищей. Они с нами, и это нас воодушевляет. Мы ведь одна семья, и потеря каждого товарища для нас больна. Разрешите мне прочесть открытое одного письма. Оно от Ольги Юрениной, ее здесь многие знают, она сейчас заворотделом оружейного комсомола. Тали вынула из папки бумагу листок и, пробовав его глазами, прочла: «Практическая работа заброшена, уже четвертый день все бюро в районах, троцкисты развернули борьбу с небольшой остротой. Вчера произошел случай, возмущивший всю организацию. Оппозиционеры, не получив в городе большинства ни в одной ячейке, решили дать бой объединенным силам в ячейке окрвоенкомата, в которую входят коммунисты окрплана и рабпро-

са. В ячейке сорок два человека, но сюда собрались все троцкисты. Мы еще не слышали таких антипартийных речей, как на этом заседании. Один из военкоматских выступил и прямо сказал: «Мы шли за Троцким в гражданскую войну. Если нужно, пойдем и теперь. Иногда для оздоровления организма необходима хирургия. Если партийный аппарат не дастся, мы его сломаем силой». Оппозиционеры встретили эту речь аплодисментами. Тогда выступил Корчагин со страстной речью. Я ее не могу передать в целом. Но он открыл лицо оппозиционером, посмеившихся заманулись саблей на партию рабочего класса. «Как могли вы аплодировать этому фашистскому будущим членам партии большевиков?» — бросил он оппозиционерам. Корчагину не давали дальше говорить: стул за стулом, кричали «Антипартийный бюрократ! Комсомольский чиновник!». Некоторые члены ячейки, возмущенные нападком на их заседание стольких «стужих», требовали выслушать Корчагина, и, когда Павел стал опять говорить, его вновь устроили обструкцию. Павел кричал им: «Хороша же ваша демократия. Я все равно буду говорить, хотя бы для тех, кто еще не угорел от троцкистского хада». Тогда несколько человек схватили его и пытался отвести с трибуны. Попытка продолжалась, но его вытолкали за сцену, и открыл боковую дверь, бросили на лестницу. Какой-то полден разбил ему в кровь лицо. Почти вся ячейка ушла с собрания. Этот случай оттолкнул от оппозиционеров многих». Тали опустила руку с листком и заговорила возбужденно: — Мы, сеголэнцы, с глубоким удовлетворением узнаем, что Павла Корчагина с нами. В зале сорвались крики, на миг перемешавшиеся. Только несколько из них можно было разогнать: — Они за демократию кулаками дерутся. — Пусть скажут, на чем они кончат. Время Тали истекло — она оставила трибуну. Публикация подготовлена Евг. Бузни.

НА СНИМКЕ: Николай Островский (фото публикуется впервые).